

ISSN 2450-6486

<http://ehs.eeipsy.org>DOI: <https://doi.org/10.38014/ehs-ss.2022.2.01>

This publication was made with the funds of a joint Grant of EEIP (Ukraine - France) and ChF "Education: Future"

Ірина МАНОХА

Война как феномен и реальность: 24.02.2022¹

IRINA MANOKHA. War as a Phenomenon and Reality: 02.24.2022. *The military aggression of Russia (RF) against Ukraine, which began in 2014 and received the status of a full-scale war on February 24, 2022, became a watershed in the history of modern Europe and the world, breaking the world order that existed for almost 70 years after World War II. An analysis of the causes of what happened today should be carried out not with a theoretical, but with an instrumental goal: its results should provide a clear understanding and specific tools of influence – «here and now» – on what is happening, since the war is relevant, it unfolds in real time and space, taking real lives and destroying real cities of a real country - Ukraine.*

The article analyzes war as a Phenomenon and a terrible Reality that occurs and unfolds «here and now»... An ontological analysis of the principle of inequality is undertaken – as a deep mechanism for the coexistence and interaction of states, whose value, discursive, existential and other differences inevitably lead to wars, if systemic “instruments

¹ Текст цілеспрямовано й свідомо публікується російською (Авт. – І.М.)

Отримано 06.12.2022

Рецензовано 06.28.2022

Доопрацьовану версію отримано 08.12.2022

Прийнято до друку 08.22.2022

of deterrence” are not purposefully and methodically introduced. And the rules of mutual observance of common values in the process of their existence and life. The attitudes to the Past (History), Truth and the Other are analyzed as ontological foundations of the subjectivity of the state, dysfunctions within which lead to tragic crises, including war. Antinomic (opposite and invariably accompanying each other) traits-signs of societies-cultures are presented, which lead to antagonism and the impossibility of peaceful coexistence, since they reveal an essential, ontological contradiction – the inequality of values. The phenomenon of “subjectivity of the state” is characterized as a key instrument of sovereignty.

Keywords: *Russia’s war against Ukraine; the causes of wars, the principle of inequality of values as the cause of wars; historical status of the state; subjectivity; subjectivity of the state as an instrument of sovereignty.*

1. Введение

Война всегда существует в нескольких измерениях или модулях: 1 – как феномен физической реальности, т.е. как совокупность конкретных военных событий и действий; и 2 – как дискурсивный конструкт – некая совокупность отношений, настроений, семантических знаков, символов и значений, наполняющих информационное и коммуникационное пространство (и объективное, и субъективное; и социальное, и индивидуальное). Второе – всегда предвестник и/или сопутствующий элемент реальных военных действий. Оно – диагноз и следствие одновременно. Как «диагноз», оно подтверждает тот факт, что по характеристикам актуального дискурса (внутригосударственного, межгосударственного или международного) можно наверняка квалифицировать «степень близости к реальной войне», прогнозировать ее возможность и начало. Как «следствие» – это еще одно «поле боя», на котором следует вести активные действия, без чего реальная физическая победа будет либо нескорой, либо – невозможной.

С точки зрения политической онтологии, «вооруженное столкновение любого уровня начинается существовать как война, то есть как историческое, социальное, гуманитарное и т.д. событие, только в рамках его дискурсивного (прежде всего вербального) осмысления. Самая кровавая схватка не является войной, пока о ней не созданы

повествования. Войны приобретают смысл и статус войны только вместе с дискурсивными формами» (Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019). По всей видимости, это – одна из причин того, почему в России (РФ), стране-агрессоре, нынешняя война имеет название «спецоперация», но не «война»). В Украине война «существует» и дискурсивно закреплена с 2014 года, даже – с конца 2013-го.

Существует, однако, и третий модус любой войны – *экзистенциальный, сущностный*, связанный с особенностями сущностного устройства и специфики существования противоборствующих сторон, а также – совокупного мира (или миров), в которых они существуют. Экзистенциальный модус войны также всегда идет в сопровождении ее дискурсивного модуса (или – сам его обуславливает и сопровождает). Именно в нем – *причины* того, почему война стала возможной или – неизбежной. В данном контексте война предстает как феномен, который *обнажает противоречия* между сторонами конфликта, обострившиеся до такой степени, что иной способ их разрешения невозможен – и объективно, и субъективно.

Поскольку любая война ведется «ради чего-то», ей присущ и четвертый модус – *гносеологический* или *ценностный*. Часто именно этот модус позволяет более точно определить экзистенциальный (гносеология часто усиливает и выявляет онтологическое, сущностное) и уточнить дискурсивный, поскольку помогает более точно «облечь» в слова и другие дискурсивные формы те *смыслы*, которые всегда скрыты, и их следует «распаковывать», «разгадывать», «выявлять» (не только для других, но и для себя). Ведение войны часто сопряжено с целенаправленным *сокрытием подлинных ее мотивов*. Изобретаются некие «замещающие формы» («демилитаризация» или «денацификация», «освобождение русскоязычных» например), которые легко «встраиваются» в массовое сознание, а потому используются и с информационными, и с пропагандистскими целями. Но и они – подлежат социальной диагностике и дискурсивному анализу, поэтому обретают «открытый», доступный для объективного оценивания, а значит – и влияния, характер.

Пятый модус любой войны – *субъектный*. Война – всегда происходит между кем-то и кем-то. Кто-то третий поддерживает одну или другую сторону, могут образовываться даже целые коалиции вокруг каждой из сторон конфликта. Она – *субъектна*. В ней проявляют и выявляют себя те, кто ее ведет, и те, кто в ней участвуют. Одна

страна рискует получить статус Варвара и Убийцы. Другая – может обрести статус Героя. С точки зрения психологии, математики и химии, война – зеркало, «проверочное действие», лакмус каждой из сторон. Если же учесть, что все происходит не в компьютерной игре и не на страницах учебника, а в реальной истории человечества, то нынешняя война – исторический акт субъективации и признания исторического статуса каждой из сторон. Обретя исторический статус Страны-агрессора, Страны-террориста или Страны-«спонсора терроризма» – стране этой никогда не избавиться от этого имени, надев этот «орден» на все последующие поколения, на всех своих уже родившихся и еще не рожденных детей. Это не смыть, от этого не откупиться. Нет такой исторической ширмы, за которой от этого можно будет когда-нибудь спрятаться, укрыться. От этого «нельзя проснуться», и избавиться, как от плохого сна. С этим придется жить и быть. Другая же сторона, наконец-то может субъективировать себя в истории человечества, как Страна-Герой. И, возможно, не только.

Цель данной статьи – осуществить анализ универсальных и специфических причин нынешней войны России (РФ) против Украины с позиций онтологической и феноменологической. В контексте принципа неравенства ценностей, а также нарушений в дискурсе государства онтологических канонизаций отношения к Прошлому (Истории), Истине и Другому, планируется ответить на два вопроса: 1 – каковы характеристики субъектности государства-агрессора (РФ) в нынешней войне против Украины, делающие его уязвимым, и 2 – какие факторы усиления субъектности Украины как государства на мировой арене позволят упредить последующие возможные посягательства на ее целостность и ускорить победу в войне нынешней? *Используемые методологии:* онтология классическая и политическая; феноменология классическая и социальная; герменевтика, а именно – герменевтический анализ и герменевтический круг, как его инструмент. *Методы и исследовательский инструментарий:* онтологическое моделирование; герменевтический метод; историко-критический анализ; антропологический анализ, компаративный анализ, дискурсивный анализ, архивное исследование, анализ исторических источников; социологические и демографические исследования (открытые данные).

В статье НЕ планируется осуществить сравнительный анализ Украины и России (далее – РФ), которую упоминать придется. Искать сходства и отличия с врагом, поднявшим меч и пришедшим с вой-

ной – не имеет смысла. Любой возможный спор на этом закончен. Мы – кардинально разные. Мы – антиномии, мы – разные полюса, противоположности в системе координат мира ментального, социального, политического, культурного и даже – исторического. Это уже навсегда доказано нынешней войной – худшим и ужаснейшим из доказательств, измеряемым количеством утраченных жизней, убитых и украденных детей, разрушенных домов, сожженных хлебных полей, обесчещенных женщин и оскверненных храмов – украинских, подлинно славянских. В XXI веке, в такой «современной» и «сильной» Европе, в таком «цивилизованном» и «сильном» мире. 24 февраля 2022 года – исторический водораздел в истории славянства, Европы и мира, конец сомнений и давних споров, и, возможно, – Начало Новой Истории и Новой Культуры...

2. Война как феномен и реальность: постижение непостижимого

Даже предполагаемая и потенциально ожидаемая война – всегда происходит *«вдруг»*. И даже вероятностные или потенциально известные причины этой войны – все равно недостаточный ответ на вопрос «почему это произошло?», «зачем?», «по какой из всех возможных причин началась эта война?» – когда это на самом деле происходит. Поскольку начинается она не предположением, не знанием, не текстом, не предупреждением, и даже не прямым заявлением/объявлением, а – взрывами бомб, ракет, разрушением домов и гибелью людей, а также – необходимостью принимать мгновенное (в прямом смысле этого слова) решение: «если бежать, то куда?», «если остаться, то как выжить?» и/или – «как записаться в тер-оборону, если ты не кадровый военный» (в нашем нынешнем случае). И все это тоже происходит *«вдруг»*: прямая угроза жизни, страх за родных и близких, смерть знакомых не-дальних и дальних, отсутствие надежного физического пристанища, потеря дома и всей прошлой жизни – в один миг...

В момент наступления войны, и даже через какое-то время после этого – ты как-бы *между* мирами, между разными измерениями времени: прошлое уже точно закончилось, а вот перейдет ли настоящее в будущее? 3. Фрейд так описывал свои ощущения в момент начала Второй мировой войны: «захваченные вихрем военного времени, односторонне информированные, неспособные дистанцироваться от великих перемен, которые уже произошли

или происходят, неспособные предугадать надвигающееся будущее, мы ошибочно толкуем обрушившиеся на нас впечатления, а наши суждения запутаны и неясны..» (Freud, 1915). Можно было бы продолжить, что по его же главной теории – это бессознательное «застывает», «перекрывает» все возможные рассудочные действия. Многие, кто в первые же часы пытался выехать из больших городов (прежде всего – из Киева), образовав трехдневные автомобильные пробки (идеальные макро-мишени для обстрелов), или бросились на железнодорожные вокзалы, на некоторое время заблокировав возможность отправления эвакуационных составов (поездами сложно назвать эти наспех связанные вереницы 25-35 разно-типовых вагонов) – называют свое состояние в те моменты принятия решения «бежать» как генерализованное паническое состояние, в котором было мало места рассудку, а преобладало чисто инстинктивное поведение с импульсом «избежать гибели» и «защитить детей»...

Далее, следуя логике и динамике начавшейся войны, в работе «Злободневное рассуждение о войне и смерти», как писал Фрейд: «индивид, не сделавшийся солдатом и, тем самым, винтиком гигантской военной машины, чувствует себя дезориентированным и неспособным здраво рассуждать. Думаю, что такой человек, как за спасительную соломинку, ухватится за любой совет, который поможет ему разобраться хотя бы в своих мыслях и чувствах. Из моментов, усугубляющих *чувство вины* оставшихся дома, с которым им так нелегко справиться, я бы хотел выделить два: вызванное войной *разочарование* и изменившееся *отношение к смерти*, к чему она, как и все остальные войны, нас усиленно принуждает» (Freud, 1915).

Но самым актуальным остается вопрос «почему?», «почему так?», всплывающий сквозь звуки сирены – предупредительные или сообщающие о воздушной тревоге, звучащие практически непрерывно. В этот момент не знаешь, а есть ли вообще ответ на этот вопрос. Хотя именно ответ на него – возможная надежда остановить происходящее. Скорее всего – наивная, но надежда. Хотя, по Фрейду, «войны на земле не прекратятся до тех пор, пока народы живут в совершенно *разных условиях*, пока для них *неодинакова ценность человеческой жизни*, и пока их *разделяет ненависть*, выражающая сильнейшие душевные движения... (Freud, 1915). А значит – условия для войны могут возникать всегда? Либо – упреждающий рецепт все же существует?

Итак, в чем же *причины войны* – любой и нынешней? Что есть главной проблемой, настолько нерешаемой другими способами и средствами, что только прямым убийством и разрушением ее можно решить? Онтологически и феноменологически – *причина любой войны в неравенстве*: ценностей, целей, устремлений, мотивов, базовых интенций существования. Все просто и сложно одновременно, поскольку даже при точном определении и описании источников данных причин – нет идеального эффективного способа решения – «раз и навсегда».

Проблема неравенства, как причины войн, только поверхностно – экономическая или политическая. Неравенство – глубинный феномен, корни которого – в *ценностях*, наполняющих (или – не наполняющих) и оформляющих (или – не оформляющих) нашу жизнь. «Война в своей ярости сметает все на своем пути, сметает так, как будто после нее никогда не наступит мир между людьми, как будто после нее не будет уже никакого будущего. Война рвет все узы, связывающие противоборствующие ныне народы, и грозит оставить по себе ожесточение, которое надолго сделает невозможным восстановление прежнего единства» (Freud, 1915) – так Фрейд писал о другой войне, но касается это – каждой. По его мнению, реальными причинами любой войны есть: 1 – неодинаковые условия жизни; 2 – неодинаковые представления о ценности человеческой жизни; 3 – ненависть (или – ксенофобия).

Любой политический эксперт, отвечая на данный вопрос, основной причиной любой войны назовет «стремление политических сил использовать вооружённую борьбу для достижения различных внешне- и внутривнутриполитических целей». Масштаб этих целей определит затем и масштаб начавшейся войны: как мировой или – локальный, местный конфликт. «С возникновением в XIX веке массовых армий важным инструментом мобилизации населения для войны стала ксенофобия (ненависть, нетерпимость к кому-то или чему-то чужому, незнакомому, необычному, чуждому, непонятному, непостижимому, а потому – опасному и враждебному). На ее основе легко разжигается национальная, религиозная или социальная вражда и поэтому со второй половины XIX века ксенофобия является основным инструментом разжигания войн, направления агрессии, манипуляций массами внутри государства и т.д.» (Voyna: prichiny, 2022)

Можно с достаточной уверенностью предполагать и даже утверждать, что если до 2004 года и Майдана Оранжевой революции

(2004) Украина была предметом тривиальных *экономических* и собственно *территориально-имперских интересов* северного соседа (РФ), то после него и, особенно, после Майдана Революции Достоинства (2014) – стала еще и *объектом самой яростной ксенофобии*, методично и систематично разжигаемой в обществе по всей возрастной вертикали – «от мала до велика». Те, кто видели Майдан (не саму площадь Независимости в Киеве, а сотни тысяч людей, заполнивших ее и все прилегающие улицы-артерии, ведущие к ней, стоявших там дни-недели-месяцы в холод и мороз с какой-то непонятной для того же северного соседа (РФ) целью, были там и могли ощутить ту неизъяснимую энергию и мощь, невероятную синергию сил и устремлений к одной цели, которая рождается и проявляется только так... Если попытаться найти приблизительную, но понятную аналогию, то можно задать вопрос: ощущали ли вы разницу в том, как петь соло, в организованном по каноническому стандарту хоре или – в спонтанно выстраиваемом прямо в момент исполнения народном, гортанном многоголосии? То, что рождается в результате – принципиально разнится, как и разнятся ощущения и способы участия в этом самих исполнителей... Еще одна аналогия – бумвейкер-оркестр, где каждый исполняет одну, свою мелодию или задает свой ритм, но в общей картине «сложившихся», «со-настроившихся», синхронизированных ритмических рисунков и мелодий рождается волшебство гармонии «здесь и теперь», магия сочетания-наложения звука и ритмического рисунка. Это, безусловно, очень и очень упрощенное сравнение, хотя по аналогии и механизму – близко.

Феномен украинского Майдана можно пробовать охарактеризовать через категорию *интерсубъектности*, которая в социальном или общественном плане может интегрировать индивидуальные аттитюды в некую «трансцендентальную интерсубъективность», обуславливающую «выход за пределы» отдельной, индивидуальной данности и появление особой категории коллективного субъекта, обусловленной трансцендентальной субъектностью. В развитии идей Э. Гуссерля о методологических основаниях понимания «интерсубъективности», речь идет о «... сообществе многих «Я», конституирующих мир в трансцендентальной интерсубъективности. Трансцендентальное «Мы» становится субъективностью для этого мира. Трансцендентальная интерсубъективность конституируется и одновременно раскрывается в каждом «Я». В пределах одного-единственного объективного мира развертывается универсальный логос

любого мыслимого бытия, являющийся по существу врожденной трансцендентальной субъектностью, а следовательно, и интерсубъективностью» (Gusserl, 1994, 1998, 1999), (Vasiutynskyi, 2005).

Украинский Майдан – это интегрированная мощь сотен тысяч индивидуальных «Я», выражающих стремления десятков миллионов «Они» в то единое «Мы», которое даже профессиональные психологи, социологи или философы с трудом смогут описать и обозначить понятийно или категориально. Это вдруг возникшее «Мы» – не метафора и не сущностно-смысловой конструкт, оно – реально, живо, активно, действенно, результативно. Это – возможно, и это – «работает», это – неизъяснимо мощно и этому – невозможно противостоять (даже оружием, как показывает история современной Украины), если оно возникает. Некоторые философы и психологи Украины говорили о том, что понятие «национальное самосознание» всегда считалось ими некой научной метафорой, до момента, пока не увидели, не ощутили, не пережили хотя бы один Майдан. Интересно, что в российском творческо-символическом тезаурусе есть образы, связанные с Майданом: «Переведи меня через майдан» – стихотворение украинца Виталия Коротича, имеющее более 5-ти официальных переводов на русский язык и несколько романсовых музыкальных воплощений, которые в советское время были очень популярны и транслировались всеми на тот момент возможными медиа... «Перейти через майдан» – значит осуществить символический переход от прошлого к будущему, от одного состояния к новому, от отчаяния к надежде, от утраты к обретению, а сам Майдан (многочисленные люди и их присутствие там) – поддержит и поможет в этом символическом изменении и переходе... Возможно, потому так и страшит этот образ и этот феномен, что имманентен, что откликается многим или – каждому? И в том числе – в России (РФ).

После Майдана Революции Достоинства (2014) – Украина стала *прямой угрозой* распространения уникального опыта ненасильственной смены политических лидеров, правительств, систем, общественных устоев и направлений развития страны и общества. И – превратилась во «врага», «ужасающий образ» которого «поселился» даже в методических материалах дошкольных и школьных учебных заведений РФ. К сегодняшнему дню в стране-агрессоре выросло поколение, которое не знает другого руководителя страны, нежели нынешний, и не знает другого образа Украины, нежели ксенофобски-угрожающий и/или уничижительно-унижающий.

Анализируя причины войн в середине XX века, в ходе и по окончании Второй мировой войны, Питирим Сорокин, один из авторов современной социологии как науки, утверждал так же, что главная причина войн – *ценности*. Вернее – отличия в них, неравенство или – *отсутствие единой системы ценностей* в межгосударственном взаимодействии. Связанная с предыдущей причина войн – *отсутствие общепринятых правил поведения*, которые утверждают и воплощают все основные ценности: религиозные, нравственно-юридические, научные, экономические, политические, эстетические. «Главной причиной, или основой, внутреннего социального мира является наличие в данном обществе целостной, твердо вошедшей в жизнь *системы основных ценностей* и соответственных *норм поведения*. Основные ценности различных частей и членов общества должны по существу *гармонизировать* с этой системой и друг с другом (1). Главной причиной, или основой, международного мира является наличие в каждом из действующих обществ целостной хорошо объединенной и усвоенной *системы высших или главных ценностей* и соответственных *норм*, причем эти системы должны быть *совместимы* друг с другом (2). В данной группе общества или внутри данного общества возможность мира находится в прямой зависимости от *усвоения* целостной системы высших ценностей и их взаимной совместимости. Когда их *единство, усвоение и гармония ослабевают*, особенно же когда это происходит вдруг и сразу, увеличиваются шансы международной или гражданской войны (3)» (Sorokin, 1937-1941).

Сорокин обращает внимание, что речь идет именно о *системе ценностей* и *системе правил, позволяющих эти ценности соблюдать*. По его мнению, если хотя бы одна из системных ценностей одного государства становится несовместимой с некоторыми главными ценностями другого, обе системы в целом двух государств становятся несовместимыми. Вослед за Квинси Райт (Wright, 1942), П. Сорокин считает, что можно определить некий *индекс войн* в зависимости от *типа взаимоотношений между государствами*. Так К. Райт было установлено, что наименьший индекс войн имеют сравнительно изолированные народы, а высший индекс имеют народы, пребывающие в широком и тесном культурном общении. В то же время, изолированные сообщества часто втягиваются в военные конфликты между большими государствами, если их системы ценностей и правил не совпадают с аналогичными системами враждующих сторон.

Важным наблюдением есть также то, что гражданские войны возникают быстрее, нежели межгосударственные, поскольку происходят «от резкого несоответствия высших ценностей» внутри одной страны (Wright, 1942).

Исторически доказано, по мнению П. Сорокина, что «Империи, состоящие из крайне несхожих и враждующих народов и культур, часто затевают внешние войны с целью предупредить развитие внутренних движений, угрожающих их единству. В таких случаях несовместимость сначала обнаруживается внутри, в форме беспорядков или гражданской войны, а затем может вызвать международную войну» (Sorokin P. 1937–1941, 1993). Данная квалификация вполне может быть применена к нынешней стране-агрессору России (РФ).

Если анализировать динамику возникновения и характер возникших войн, по мнению П. Сорокина, можно отметить *две основные тенденции*: «I – во всех странах минимум войн и максимум мира падает в точности на *периоды высшего объединения* и усвоения основных ценностей и его распространения на все группы и государства, находящиеся в общении. Так это было в Греции в VI и II веках, в Риме в IV веке до Р.Х. и в течение первых двух веков после Р.Х. Этим же объясняется сравнительно низкий показатель войн в Европе до XIII века, когда христианская система ценностей была единой для всей Европы. В деталях это можно проследить по истории каждой отдельной страны, и, в частности, в ... «Динамике общества и культуры» собраны данные об Англии, Франции, России, Австрии, Италии, Испании, Нидерландах, Польше и Литве. II – *минимум убийств и насилия* также падает на *периоды общего господства одной системы ценностей*. Это же в точности относится к характеру карательных мер, налагаемых одной частью общества на другую – когда ценности общепризнаны, эти меры гуманны; они становятся жестокими и кровавыми, когда ценности разлагаются и вступают в конфликт» (Sorokin P. 1937-1941, 1992, 1993).

По мнению П. Сорокина, для *прочного и длительного мира* «имеется *четыре необходимых условия*: «во-первых, основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различия; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и

мира; в-четвертых, учреждение высшей международной власти, обладающей правом обязательных и принудительных решений во всех международных конфликтах» (Sorokin P. 1937-1941).

Работа Сорокина, написанная в 40-х годах прошлого века, на фоне событий Второй мировой войны, заканчивается словами, выражающими искреннюю веру автора в то, что человечество пришло к аргументированному пониманию того, что войны – разрушительны, анти-человечны и следует прилагать даже невозможные, на первый взгляд, усилия, чтобы избегать их: «Мы должны построить новое общество, свободное от угрозы войны, насколько это в пределах человеческих возможностей. Частные интересы прошлого, потрясенные или сметенные катастрофой, не могут успешно препятствовать нашим планам. История предоставляет нам исключительный случай свободы от реакционных влияний и давлений. То, что в прошлом было недостижимо, казалось утопическим, в нынешних условиях становится не невозможным. С мудростью, мужеством и верой, во славу Божию и в прославление человека, мы можем наконец приступить к постройке Храма Вечного Мира» (Sorokin P. 1937-1941). К сожалению, все что было создано тогда – уже не эффективно, уже не уберегло от нынешней войны, а после ее завершения – все нужно будет начинать «с нуля», «с начала».

Возвращаясь к вопросу об экономических и геополитических причинах нынешней войны России против Украины и анализируя их, эксперт и аналитик Виталий Шапран указывает: «Агрессия соседей по отношению к Украине практически всегда имела экономический подтекст. Агрессия современной РФ исключением не является... Украина имеет очень выгодное экономико-географическое положение: такой себе мостик или щит (в зависимости от поворотов истории) между Западом и Востоком» (Shapran, 2022). Затем иллюстрирует: «перед вторжением были провозглашены цели войны, в которых не было никакой экономики, но вот прошло больше 100 дней расширения оккупации, и только очень ненаблюдательный человек мог не заметить, что с оккупированных территорий активно воруется не только сельхозпродукция и ликвидный металлопрокат, но в РФ вывозятся сельхозтехника и даже целые заводы» (Shapran, 2022). Также можно задать вопрос: носят ли причины нынешней войны геополитический характер? «Вопрос о том, какие истинные цели преследует РФ, начав войну в Украине, изначально стоял перед аналитиками, которые обслуживают сектор безопасности и

обороны. Но по мере того, как агрессор начал проявлять интерес к чисто экономическим мероприятиям, например, когда РФ закрыла южные украинские порты, вначале обездвижив порты в Мариуполе и Бердянске, а затем и захватив их, и пыталась продать ворованное в Украине зерно в Египет, то зародились вполне обоснованные подозрения, что агрессора очень интересует вопрос продовольственной безопасности всего Черноморского региона.» (Sharpan, 2022) И это – только один из аспектов геополитики, актуальных в нынешней войне.

Причины и поводы для войн в XX и уже XXI веке детально проанализировали и аналитики издания «Слово і Діло» (Слово і Діло, 2022), продемонстрировав таким образом искусственность (в большинстве случаев) данных поводов, за которыми скрывались и маскировались подлинные интересы агрессоров и их сторонников (См. Рис. 1): последовательная презентация военных конфликтов XX века, которые начинались именно через провокации, подчеркивает действие принципа неравенства ценностей, представляет его в особом свете – как базовый и первичный, когда речь идет о военном способе достижения одной стороной военного конфликта своих интересов за счет другой стороны.

Рис. 1. Casus Belli. Провокації, с которых начинались войны в XX и XXI вв. (Слово і Діло, 2022)

Итак, если признать *принцип неравенства* как основу причинно-следственных интенций любой войны, то, анализируя нынешнюю войну РФ против Украины, следует максимально точно квалифицировать и доказательно описать это неравенство в отношении: 1) характеристик субъектности; 2) актуальных ценностей; 3) экзистенциальных отличий; 4) дискурсивных особенностей; 5) феноменологии души, ментальности и миропонимания – характерных и свойственных этим странам, государствам, культурам. Данное описание следует осуществить не на обще-теоретическом, а на инструментальном уровне – дабы использование и применение полученных интерпретационных моделей на практике могло быть эффективно и результативно в ближайшем времени актуальных событий.

Онтология неравенства, постулирующая *неравенство ценностей* как глубинный феномен и фактор/причину противостояния государств, в том числе – посредством войн, предполагает выбор и анализ онтологических (онтических) оснований данного феномена. В нашем исследовании из всей совокупности существующих такими основаниями избраны: 1 – Отношение к Прошлому (Истории); 2 – Отношение к Истине (Правде и Лжи); 3 – Отношение к Другому. Данные типы отношений и воплощенные ими ценности, различие в которых предстоит проанализировать по отношению к сторонам нынешней войны Украины и России (РФ), являются центром, синтезирующим, формирующим и отражающим сущностное ядро каждого из государств, а значит – сущность его политик и действий, совершаемых, в том числе, посредством войны.

Это то, что *оформляет субъектность государства*, как и отражает *субъектность любого человека-гражданина* – носителя основных ценностей и воплоителя ключевых императивов своей страны и нации, если он принимает и исповедует их, идентифицируя и репрезентуя себя в них и – через них.

3. Отношение к Прошлому и Истории:

«манкурт» или «ответственный субъект»?

В любом периоде развития социума или государства, важно уметь различать «исторические факты» и «исторические предрассудки», как важно отличать «историческую память» от «исторических стереотипов». Это важно в мирное время, но особенно важно – в кризисные периоды, в частности, в связанные с военной агрессией одной страны против другой. Сегодня, однако,

таких «не-отличий» и «перекосов» предостаточно. Сознательная манипуляция историческими фактами, подмена фактов идеологизированными измышлениями, откровенное «фантазирование на тему якобы-истории» – все это, вне сомнения, есть элементами гибридной войны, ведущейся Россией (РФ) против Украины фактически с момента обретения ею независимости в 1991 году, но особенно – последние 18-20 лет.

Агрессивная кампания со стороны РФ против Украины еще с начала 2000-х изобилует примерами невероятных и даже возмутительных искажений истории – самой Украины и соседних стран. Это легко доказать ссылками на многочисленные разнообразные медийные публикации. То же можно наблюдать и сейчас, во время нынешней войны. Однако, «переписывание» истории, сокрытие одних фактов и подмена их другими – неотъемлемая черта государства «Россия» на протяжении всей истории его существования, еще с XV века. С 2014 года искажение исторических фактов и «вольные фантазии на исторические темы» стали регулярными и систематическими.

Отношение к прошлому, к истории – один из ключевых постулатов онтологической целостности субъекта, его экзистенции (существования), его нарушение – свидетельство наличия проблем в настоящем времени и – приумножение их в будущем.

По определению Чингиза Айтматова, человек без прошлого – *манкурт*, существо «не привязанное» ни к месту, ни ко времени. Манкурт – человек, утративший историческую память, духовные ценности и ориентиры, порвавший связь со своим народом. В переносном смысле слово «манкурт» употребляется для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своём родстве. В этом значении слово «манкурт» давно стало нарицательным.

Почему ощущение времени и его элементов (прошлое, настоящее и будущее) так важны как для отдельного человека, так и для любой социальной группы, в том числе – страны, государства? Существование всех их и каждого – *темпорально*, оно разворачивается во времени и пространстве, где, *время* – один из базовых экзистенциалов. Человек без ощущения времени, без прошлого – как «дерево без корней». Он превращается в своего рода «экзистенциальное перекасти-поле», которое никогда не знает, «к какому оврагу уже завтра его занесет очередной ураган событий».

Так и с государством: государство без ощущения времени и ответственности перед историей и своими гражданами за их прошлое, а значит – и без ответственности за их настоящее и будущее – *государство-манкурт, социум-перекати-поле...*

Темпоральность человеческого бытия (как и любого социального субъекта, в том числе – государства) определена разворачиванием его содержания во времени индивидуальной и общественной истории. Качественными характеристиками, которые приобретает время человеческого образа существования, являются следующие: 1) *время субъективно переживается* человеком и вполне объективно отражает план жизни данного человека; 2) жизнь человека характеризуется определенной *временной перспективой* (К. Левин) – своеобразным соотношением прошлого и будущего в настоящем человеке; 3) время человеческой жизни *циклично*, определяется *последовательностью развития* биологических, социальных и индивидуальных характеристик бытия человека; 4) время человеческой жизни *имеет изменяющийся ритм* в соответствии с развитием бытия человека и зависит от закономерностей биологического, социального и индивидуального становления этого бытия. «Наполненность, насыщенность времени событиями и темпами их протекания изменяет ритм времени жизни человека» (Rubsinshtein, 2009); 5) каждому периоду человеческой жизни соответствует определенный *темп времени*, обусловленный содержанием данного периода и сам детерминирующий его; 6) время человеческой жизни, как и само человеческое бытие, *исторично*, что обусловлено последовательностью и взаимной детерминацией всех уровней бытия человека; 7) специфична также *способность овладения человеком временем своей жизни*. Таким образом, освоение и овладение временем своей жизни, своего существования – экзистенциально (сущностно) важно для человека (Manokha, 2001). Отсутствие инструментов овладения временем своей индивидуальной и социально (общественной) жизни, либо использование заведомо ложных ориентиров в данной экзистенциальной топологизации своей жизни – ведет к ложному восприятию, «виртуализации», «вымышленному образу» не только времени, но и пространства своей жизни, ее смысло-жизненных ориентиров и ценностных координат.

Отсутствие *реалистичной временной архитектоники прошлого* в опыте человека (или – ложная его конструкция) – лишают человека возможности реалистично воспринимать и качественно переживать

событийность собственной жизни, лишают ее временной перспективы, нарушают циклы и ритмы действований. Реальная жизнь человека, в его представлении о ней, может превратиться в некий *симулякр, подобие реальности*, которое от самой реальности – весьма далеко.

Что же происходит, когда страна, государство, в котором живет данный человек, периодически (или постоянно) предается *мистификациям о прошлом, об истории, о вчерашнем*? Если государство плодит разнообразные симулякры не только о сегодняшнем дне, но и о прошедшем, наполняя ими дискурс всех и каждого в этом государстве – и медийный, и обыденно-бытовой? Считаем необходимым представить выводы исследователей из самой России (РФ), исследовавших отношение к прошлому и к истории в своей стране, общественное мнение своих граждан, и – сделавших выводы о социальной и политической реальности их собственной страны, их собственного государства. Так, А. А. Зиновьев констатирует: «В России после 1917 г. был осуществлен величайший в истории человечества социальный эксперимент – впервые в истории был построен коммунистический социальный строй в огромных масштабах, и этот строй сохранялся в тяжелейших условиях и в непрерывной борьбе с превосходящими по силам врагами в течение семи десятилетий. Этот эксперимент заслуживает самого пристального объективно-научного исследования хотя бы как гигантский исторический феномен. А между тем все сказанное и написанное о нем, за редким исключением, есть *идеологическая фальсификация* как со стороны его защитников, так и со стороны его врагов...» (Zinoviev A., 1995). Историк М. Гефтер назвал ситуацию начала 90-х гг., связанную с переписыванием и пере-истолкованием исторических фактов и событий – «эпидемией исторической невменяемости».

По мнению А.Б. Лихановой, «современное российское обществе, сегодня вряд ли осознает, что «прошлое – не отработанный материал, а неотъемлемая составляющая природы всех социальных явлений (человека, народа, культуры, науки и т. д.), без которой невозможно их существование... Прошлое может мстить за свое искажение. Оно отомстило советской элите, занимавшейся апологетикой советского прошлого, оно отомстило радикал-реформаторам, которые оказались в конце концов на обочине общественно-политической жизни. Но еще больше оно отомстило стране и народу,

которые позволили исказить свое прошлое. Распад Советского Союза, экономическая катастрофа 90-х гг., депопуляция, разрушенное национальное самосознание и другие беды страны стали платой за этот грех. По точному выражению писателя Ю. М. Полякова, «нам мстит оболганное прошлое» (Lihanova, 2008).

Какие существуют и применяются в России (РФ) *способы «искажать прошлое»*? «Информация о прошлом может быть: а) *неполной, частичной, недостаточной* для создания достоверной картины прошлого (поскольку прошлое оставило мало следов – источников; информация частично закрыта, преобладают мифологизированные представления о прошлом и др.); б) *субъективно окрашенной*; одна и та же информация может быть по-разному интерпретирована в зависимости от субъективных качеств информатора, его личностных, мировоззренческих характеристик; в) *идеологизированной* – под влиянием идеологической ориентации интерпретатора или под давлением тех или иных политических сил; г) *намеренно фальсифицированной* (ложной, подтасованной, на основе спровоцированных событий, лживых свидетельств и др.); д) *эмоционально окрашенной* – поданной с акцентом на эмоционально-чувственное, а не рациональное восприятие исторических событий; е) *еще не остывшей, «горячей»*, не созревшей для беспристрастной оценки (Lihanova, 2008).

Историческая культура характеризуется умением (или неумением) людей размышлять о прошлом, анализировать события прошлого, сопоставлять прошлое и настоящее, умением рассматривать события прошлого в том историческом контексте, в котором они произошли, способностью находить причины исторических событий и извлекать из прошлого определенные уроки. В конечном счете, умением учиться у прошлого (Lihanova, 2008). По мнению А. Лихановой – *эта культура сегодня не свойственна ни государству Россия, ни ее гражданам.*

Посредством СМИ, инструментами системы образования – вне сомнения, можно контролировать восприятие людьми прошлого, можно направлять формирование отношения к нему – и постепенно встраивать в когнитивную систему восприятия мира – как отдельного человека, так и страны в целом. «Управлять прошлым очень соблазнительно – это может приносить серьезные политические дивиденды. Но и порождает серьезные опасности. Как показали в своих работах С. Г. Кара-Мурза, З. М. Оруджев, Ю. В. Соколов и некоторые другие, искажение прошлого неизбежно ведет:

а) к неспособности адекватно понять настоящее; б) значительно уменьшает прогностические способности общества (элиты), единственной эмпирической основой которых (способностей) являются факты прошлого; в) порождает сильнейшие деструктивные процессы в общественном организме (Lihanova, 2008).

Как пишут сами российские эксперты и исследователи, что крайне важно зафиксировать именно цитированием: «нынешняя российская ситуация поражает масштабами, длительностью, интенсивностью манипулирования прошлым. Современные СМИ обладают способностью в огромных масштабах создавать виртуальные картины прошлого, отрывать их от реальной исторической ситуации. В постиндустриальную эпоху знания и информация становятся важнейшим ресурсом власти. Возможность интерпретации прошлого через СМИ превратилась в важнейший политический ресурс властей» (Lihanova, 2008).

Следует отметить также еще один аспект, связанный со злоупотреблением «отношением к прошлому», который имеет более широкий – культурно-исторический контекст. *Кризис «отношения к прошлому»* – один из базовых познавательных культурно-исторических кризисов, который может приводить к разноплановым когнитивным и поведенческим дисфункциям в общественном сознании. Этот тип познавательных кризисов формируется в *эпоху Средневековья*. Речь даже не о «заинтересованном или незаинтересованном отношении» к прошлому, то есть отношении, имеющем положительный или отрицательный оттенок. Речь идет об открытии возможности строить настоящее, отталкиваясь от определенного отношения к прошлому, находить определенные мотивы и ожидания через созерцание достижений прошлого. И это было впервые в истории, в мировой культуре.

Можно выделить две базовые тенденции отношения к прошлому, к истории, к имевшемуся ранее опыту: 1 – *принятие прошлого*, 2 – *отрицание прошлого*. На первый взгляд, позиции положительного и отрицательного отношения к опыту прошлого становятся абсолютно полярными. Казалось бы, утверждение, что принятие прошлого является непосредственным продолжением или воспроизведением существующей традиции, в то время как отрицание прошлого создает непосредственные условия для построения чего-то нового, качественно отличного, лучшего, высшего. Однако такое представление является едва ли не величайшей иллюзией, что

и обуславливает признак кризисности данной эпохи (Manokha, 2001, 2001).

Почему абсолютное *«принятие прошлого»* является иллюзией? Во-первых, в историческом плане абсолютно нереальна возможность воспроизведения на протяжении 23 веков (которые вместе составляют хронологические показатели продолжительности эпох Античности и Средневековья) одной и той же традиции мифологизации, философствования и религиозных верований, что следовало бы констатировать при наличии целенаправленно *положительного* воспроизведения опыта прошлого. Речь идет даже не об однородной цивилизации или культуре, в которой при определенных идеологических, политических и культурно-исторических обстоятельствах не без труда, но возможно в течение десятков веков тщательно культивировать воспроизведение традиции на разных уровнях ее существования и воплощения. Речь идет о разнородном западноевропейском пространстве, в котором взаимодействуют (в противодействии или взаимном усилении) различные культурные традиции, которые не могут «договориться» о воссоздании какой-то общей древней традиции на по существу отличных территориях своих культур, а затем планомерно и по схожей схеме воплощать достигнутую договоренность в жизнь. Следовательно, постулирование «преемственности традиций» может восприниматься в большей степени как культурно-исторический лозунг, идея или даже идеология, нежели как историческая реальность в существовании синтетической культуры Западной Европы.

Во-вторых, достаточно иллюзорным представляется и противоположный лозунг относительно *«полного отрицания прошлого»* в культивировании настоящего. В полной мере абстрагироваться от имеющихся культурных тенденций невозможно, поскольку их влияние не осознается как целенаправленно осуществляемое «кем-то» или «чем-то», а значит отрицать и сами тенденции, и возможность их проявления в реальности общественной или индивидуальной жизни – невозможно. Историческим свидетельством этого является множество текстов средневековых авторов, которые якобы отрицают по своему идейному направлению идеалы Античности, однако строят собственные трактаты по *принципу антитезы* ведущим античным идеям. Нужно ли напоминать, что антитетический способ построения философских, теологических или обыденных объяснительных конструктов свидетельствует не о возражении, а прежде

всего о признании действительности тех или иных традиций, которые именно поэтому и следует отрицать, чтобы реализовать намерения идеологического (в культурно-историческом смысле) наследования (Manokha, 2001, 2001).

Можно сказать, что до сих пор тенденция «принимать или отрицать опыт прошлого» довольно часто определяет направления развития различных сфер жизни человека, как и функционирование культуры – или государства – в целом. Если признать, что это так, и по признакам «познавательного кризиса» можно квалифицировать культурно-исторический уровень развития общества, государства или культуры, то в данном смысле можно говорить о том, что государство Россия (РФ) в данный период времени, в первой четверти XXI века переживает свое «*российское средневековье*» – и в отношении к прошлому (истории), и в отношении к ценности человеческой жизни, и в готовности к военным походам за свою имперскую идею, и в излишне легкой (ментальной и инструментальной) готовности физически уничтожать тех и то, кто и что смеет противиться этому. Если это не *исторический диагноз*, то, как минимум – *историческая интерференция*, свойственная значительно более ранней исторической эпохе, давно пройденной другими европейскими странами – раннему Средневековью, но не началу XXI века.

4. Отношение к Истине: «автор благородных императивов» или «государство-лжец»?

На культурно-исторический статус категории «*истина*» претендуют и философия, и религия, и наука, и даже миф. Также не отрицается «моральный», «нравственный» характер данной категории. Безусловное преимущество в этих спорах имеет *онтология*. Онтологическое исследование по сравнению с любым другим типом научного исследования, обусловлено тем, что оно осуществляется в пределах четко обозначенного набора философских категорий, определяющих так называемый «*абрис онтологии*» (Rubsinshtein, 2009). Это категории: существование и сущность; причина и следствие; возможное и действительное; количество и мера; качество и порядок; пространство и время; движение и форма; развитие; *истина*. Перечень данных категорий – не простой механический набор, это – «остов», «скелет» существования индивидуального или коллективного субъекта. Убрать один элемент – рассыплется вся система. «Истина» – системообразующий и базовый элемент

в данной системе. Если он отсутствует – существование системы – «устремляется к нулю».

Феноменологический континуум данного понятия представлен антиномичными парами категорий: правда и ложь; мудрость и беспутство; целесообразность и абсурд; простодушие и хитрость; преданность и предательство; и т. д. Какому антиномическому полюсу в своем существовании и функционировании следует РФ, как страна-агрессор? Правда-мудрость-целесообразность-простодушие-преданность? Или – ложь-беспутство-абсурд-хитрость-предательство? Какое, в таком случае, воплощение «Истины» уготовано в дискурсе данного государства?

Интересно представить мнения на этот счет и результаты исследований некоторых российских специалистов. По их мнению, понятие «истина» в тезаурусе российского общества давно заменено (или – подменено) понятием «внутренняя правда» – неким объяснительным конструктом, который не соответствует действительности (тем более – «истине»), но принимается, считается таковым. Инструменты для такой хитромудрой «трансплантации в сознание», использовались разные (можно сказать – все): идеология, пропаганда, реклама, образование, наука, культура, и конечно – религия. «Мы исходим из предпосылки генетического проникновения в российскую культуру (в ее генетический код и пресуппозиции) православной этики (хитроумно преломленной советской идеологической машиной)», которая получила название «*этика внутренней правды*» (Ulyanovskiy, 2005). Следуя ей, государственная машина, образование, бизнес и т.д., «ориентируются не на истину, а на некую «правду», сгенерированную и сформулированную «руководством страны» или «воплотителями его идей» (Znakov, 1993). «Нами прогнозируются следующие проявляющиеся черты православной этики (в российском бизнесе, например): 1 – ориентация не на истину, а на внутреннюю правду; 2 – нравственная ориентация на процесс внутреннего поединка со своими внутренними эгоистически-животными субличностями (леность, самонадеянность, гнев, черствость). Особенность этой черты в том, что по мере повышения успешности потенциал напряженности и осознанности этого поединка возрастает» (Ulyanovskiy, 2005).

Если говорить о базовых конструктах социальных мифов – в сфере бизнес-общения, например, – то «в России же в самой сердцевине этого общения лежит *фальшь* – между сущностной, основной

целью обогащения организации и формой душевного, искреннего и бессребренического общения». Сравнение западной и российской моделей отношения к бизнесу и ведения бизнеса указывают на своеобразную *социальную феноменологию этой фальши*, «считываемую» даже в простом взаимодействии и общении (Табл. 1).

Таблица 1. Кросс-культурная модель Россия – Запад (Ulyanovskiy, 2005)

Западная модель	Российская модель
Диалог на рациональном, рационально-экономическом уровне. Высокий уровень рациональной вербализации интересов.	Диалог на эмоционально-духовном, зачастую трудновербализируемом уровне (вплоть до подтверждения нахождения в одной реальности). Западный миф: русские <i>угрюмые, нелогичные и неразговорчивые</i> .
Высокая ответственность в узком рациональном диапазоне.	Распределение ответственности в широком онтологическом и рациональном контексте, в результате – тенденция снижения ее доли в узко рациональном диапазоне. Западный миф: русские <i>ленивы и безответственны, поступки непонятны (загадочная душа), им не понятно, что нужно</i> .
Высокое развитие телесно-индивидуальной составляющей индивидуума, четкое осознание границ тела.	Высокое развитие душевно-духовной (полевой) составляющей личности в ущерб телесно-индивидуальной составляющей. Западный миф: русские <i>бескультурны (нарушения культуры «границ тела») и разбросаны</i>
Высокая культура рационального целедостижения (в том числе и личного бизнес-планирования)	Ориентация не на прагматическую цель, а скорее на широкий (в том числе и внутренний) контекст целедостижения (направленное планирование, создающее иллюзию бесцельности) Западный миф: русским <i>не понятно, что нужно, они плохо организованы</i> .

Характеристики русской ментальности – на национальном уровне – имеют, по мнению российских же исследователей, «глубокие общинно-племенные корни: 1) низкое ощущение ценности жизни, сопоставимое с ценностями вещей и идей... 2) значимость коллективного мнения, легкость растворения индивидуального сознания в коллективном; 3) относительная легкость эмоционально-духовного перехвата управления поведением со стороны контекста (среды)» (Ulyanovskiy, 2005). В данном перечне, как не сложно заметить, доминирует *стадный инстинкт, стадный интеллект, логика реагирования и поведения толпы* (или – орды) – над рационализацией, индивидуальным интеллектом, критическим мышлением и субъектным поведением в целом. Если добавить к этому общепринятое *пренебрежение истиной* в угоду некой своей «общепринятой правде» – становится понятно, насколько в социальном плане благодатной является почва для различного рода пропагандистских манипуляций в данном обществе.

Конструкт «этики внутренней правды» интегрирован и в систему образования – от дошкольного, до высшего профильного. Так, например, в экономическом образовании он предполагает (на уровне конкретных методических инструкций): «1 – Рационализацию... в экономическом образовании, *рациональную демонстрацию его выгоды на моделях, в многократных повторениях-внушениях или в кейсах*; 2 – Внедрение в сознание студентов так называемых *принципов этической симметрии* (всегда можно оправдать любое свое действие, «выйти сухим из воды»); 3 – *Снятие со студента ответственности за макросреду его бизнеса* (в России это разрушающая здоровье ответственность) и *делегирование ее надсистемным силам* (например, судьба, удача и др.)» (Ulyanovskiy, 2005).

Социологические исследования среди студентов показывают, что «у молодых россиян ответственность мало коррелирует со свободой и сильно – с независимостью, т.е. западная базовая установка «Я свободен в том смысле, что отвечаю за свои поступки» не работает» (Ulyanovskiy, 2005), просто отсутствует, как императив. Важно отметить здесь, что данная технология «перенастройки массового сознания» под названием «этика внутренней правды» – требует отдельного системного исследования и анализа.

Можно, однако, утверждать, что *отношение к Истине, отрицающее ее (Истины) ценность* и даже саму вероятность ее существования как феномена, принятое в масштабах государства и транслируемое

через все действующие нарративы, приводит к «*этической асимметрии*» в социуме, которая никак не уравнивается изобретенным инструментом «внутренней правды», а только усиливается и обнажается им. Все это находит воплощение в ментальности и социальном мифе народа, живущего в данном государстве. Не удивительно, что механизмы такой социальной мифологизации – актуализируют интенции исторической (и не только) мистификации, на почве которой интенции войны – прорастают, как заполняющий и опустошающий все сорняк.

Если же попытаться с позиций отношения к Истине (а также – к Правде и Лжи) проинтерпретировать базовые самоопределяющие постулаты современной России (РФ) как государства, то возникает один большой вопрос или – серия больших вопросов, ответы на которые, как правило звучат с позиции некой «внутренней правды», но отнюдь – не истины или реальности: *Является ли нынешняя Российская Федерация славянским государством? Каков процент славянского населения она имеет сегодня и какова его динамика в каждом из отдельных исторических периодов существования данного государственного образования? Какой процент территории – нынешней – исторически сопряжен или имманентен территории Древнерусского государства, Киевской Руси, чтобы посягать на его историю как на «свое прошлое»? Объективно – ни географически, ни демографически, ни исторически – данный государственный конгломерат не может на это претендовать. Почему он это делает?* Некоторые эксперты предлагают поискать ответ, скорее, в сфере психологии, психиатрии либо – в популярной психопатологии, в том числе – социальной.

В онтогенезе человека есть периоды, когда, пытаясь обрести свою идентичность, он пытается хаотично присвоить себе ту или иную личину: «ну тогда я буду мамой», «а теперь я буду братом», «а потом я стану папой-царем» (как в нашем нынешнем случае) и т.д. Как правило, эти всплески свойственны либо возрасту 2,5-3 лет, когда формируется базовый конструкт и первичный дискурс «Я», либо – пубертатному (в основном, подростковому) периоду, когда вектор самоидентификации начинает распространяться не только на ближний референтный круг, но и на более отдаленные социальные ареалы. К слову, женские ожидания главного персонажа-нищенки в известной сказке А. Пушкина «Золотая рыбка» «росли» в своих идентификационных притязаниях нищенки от «зажиточной крестьянки» и «столбовой дворянки» до «владычи-

цы морской, которой служит сама Золотая Рыбка и живет у нее на посылках». Похоже, данный персонаж – Анима (архетипическая женская сущность-часть) первого лица соседней северной страны (РФ), которому стоит освежить в памяти (если она еще есть и функционирует), чем оно (повествование) заканчивается, и к чему судьба исходного персонажа данной сказки возвращается, скатывается, исходит.

Московское царство формируется в 13-15 веках – тоже путем захвата нескольких княжеств Киевской Руси и переименования их в Московское. В то же время, Киевская Русь уже к концу первого века нашей эры имеет историческую идентификацию, а своего расцвета достигает к 9-11 векам, сформировавшись не только географически, но и создав и упрочив полноформатную культуру – древне-славянскую. Чего не имело и не имеет государство-преемник не Киевской Руси, а только лишь «отжатого» Московского княжества, будучи государством без тех этапов своей, собственной истории, когда формируется и присваивается целостная система культурных канонов жизнедеятельности – и индивидуальных, и социальных, и культурно-исторических. Государство без прошлого, без истории, без культуры, без вложенного труда в «создание», в которой издавна и поныне ключевой механизм приобретения и приумножения – не «создать», а «отнять».

Страна Россия, волею ее первого царя-императора Петра I, присваивает себе имя, не идентичное, но близкое к древне-историческому Русь (от Киевская Русь) так, как это сегодня делают аля-бизнесмены, подделывая названия известных торговых марок, изменив 1-2 буквы в известном и статусном названии бренда, зарабатывая на этом разнообразные дивиденды. Воочию, имеет место *синдром самозванца*, но в непосредственной (не классической), прямой его интерпретации. Самозванцу нужно, жизненно необходимо все время доказывать всем и себе самому, что он «не самозванец», изобретая при этом все более изощренные версии и методы доказательств. Страна-самозванец, Страна-Хлестаков (по Гоголю, тексты которого были по-имперски отредактированы-переписаны – стоит просто сравнить первое авторское издание «Тараса Бульбы» и любое последующее). Хотя – данной стране это было свойственно всегда. Когда ты «никто», нужно срочно «кем-то» стать. Нужно «что-то такое» сделать или под-делать и – «сказать, что так и было», в полной уверенности, что все поверят и примут. Или – будут вынуждены

принять, а потом, возможно, поверят. А если не поверят – заставим, принудим...

5. Отношение к Другому: «равный Мне» или «Чужой»?

Отношения в системе «Я – Другой» – являются базовыми для субъекта (индивидуального или коллективного) не только в классической онтологии, социальной феноменологии, психологии, религиозных системах и т.д. Они формируют и оформляют целый пласт аксиологических (ценностных) проблем и аспектов в функционировании любого социального субъекта, в том числе – социума, культуры, государства.

Впервые феномен и понятие «Другого» появляется еще в мифологическом сознании – и не случайно, что до сегодня, уже в современном языке и дискурсе сохраняет свое мифологическое значение и коннотацию. Кто он этот «Другой» – «друг», «враг», «свой», «чужой», «похожий», «иной»? Какой он? Сегодня, после распространения в XX веке *принципа идеологизации*, различного рода интерпретации данного понятия обязательно используются в любой идеологически ориентированной системе – политической, религиозной, и даже – научной.

В индивидуально-психологическом плане «Другой» – обязательная и необходимая фигура для идентификации и самоидентификации «Я». Он – некое зеркало, отражаясь в котором «Я» способно обнаружить свои границы и, в итоге, обрести себя. Человек получает знания о себе, поскольку зависит от того, как Другие реагируют на него. Человек пытается интерпретировать свое отношение к Другим, но всегда есть возможность ошибочной интерпретации. Никогда нельзя быть уверенным в значении ответа Других. Хотя существует *идея нашей идентичности*, но она никогда напрямую не соответствует реальности: зеркальный образ – обратен.

Поскольку идентичность личности зависит от познания со стороны Других, существует внутренняя напряженность, чувство страха. Это тема гегелевского рассказа о Господе и Рабе. Гегель утверждал, что сознание не может охватить самое себя без познания Других. Господин требует познания, опираясь на Раба, но это саморазрушающий процесс. Господин ужасается, ведь познание самого себя зависит исключительно от Раба. Мы сводим Других к инструменту – зеркалу. И это – уже момент *агрессии*, ведь мы стремимся преодолеть нашу от них зависимость (Lacan, 1997). Так же – и с соци-

альным субъектом: государством, культурой, народом, страной.

Возникает вопрос: возможно ли взаимное познание? Жак Лакан утверждает, что *интерсубъективность* не может быть полностью достигнута, ведь мы никогда не можем войти полностью в сознание другой личности. Это невозможно из-за двойственности знака. Существует разрыв между сказанным и его значением. Все это реминисценция из Сартра, который сказал, что когда мы любим других, мы хотим любви этих людей – и это наставление превращает любовь в средство. В той мере, в какой лицо является субъектом, другой является объектом. А между тем, человек нуждается в полноте бытия, в переживании единства, но такая полнота практически недостижима (Lacan, 1997).

Лакан утверждает, что рассуждение, в котором субъект находит свое самотождество, является рассуждением Другого на основе символизации. Именно другой трансцендирует субъекта, возлагает всю его историю. Один из лакановских принципов структурного психоанализа заключается в том, что субъективность становится полностью относительной; она только входит в игру через принципы разницы, при противопоставлении «Я» и «Другие» или «Вы» и «Я». Субъективность есть не сущность, а только вершина отношений и может быть индуцированной при задействовании системы значений, которая существует до индивида и определяет его культурную идентичность. Интерсубъективность – условие актуализации диалога «Я – Другой» в сфере интерактивной деятельности человека, в любой из сфер его социального существования (Lacan, 1997).

Феномен «войны», как и «социальной маргинальности», непосредственно, напрямую сопряжен с образом и феноменом «чужого», «чужака». Георг Зиммель, известнейший немецкий социолог, в начале 20-го века одним из первых вводит в тезаурус социологической науки понятие «чужой», «чужак». Принято считать, что социологическое понятие «чужого» имеет в своей основе философский аналог (или – аналоги) – «инаковость», «иной», «другой». Зиммель определял «чужака» как человека, соединяющего в себе одновременно «близость» и «удаленность» в отношении группы (организации, события, пр.). «Чужой» – тот, кто физически находится в группе, но не принадлежит ей изначально, как член этой группы. Это тот, кто не разделяет историю, биографию этой группы. Тот, кто является пришельцем или тем, кто на более или менее продолжительное время остановился «в гостях» в этой группе. Присутствие «чужого»,

как инородного тела, имеет огромное функциональное значение для группы в целом. Во-первых, благодаря чужакам группа получает возможность определить, чем она не является, кто такие «мы» и что к «нам» не относится. Чужак – это тот, кто показывает группе ее границу, воплощает в себе эту границу. Во-вторых, он обладает определенной дистанцией по отношению к группе и потому может претендовать на объективное отношение к ней... Чужак, иными словами, обладает относительной, прежде всего, — пространственной — свободой от группы и всегда волен ее покинуть (Simmel G., 1990, 1994; Ban'kovskaya S., 2012).

У Зиммеля фигура «чужака» появляется как некая реализация *идеи отгороженности* (то есть отклонения, соединенного с пространством). Чужак – тот, кто приходит извне, рассчитывая остаться здесь. Он – странник, он независим, он критичен, его интеллект противостоит традиции. У Зиммеля, не случайно, чужак «олицетворяет модерн» с его страстью к деньгам как самоцели, рассудочностью, бесхарактерностью и индивидуализмом (Simmel G., 1990; Zimmel' G., 1996). Несмотря на любое внешнее развитие взаимодействий и тесное формальное общение группы (социального субъекта) с чужаком, основа внутренних отношений не меняется, «чужак остается чужаком».

«Чужой», по Зиммелю, – имеет двойственную природу и вызывает двойственное отношение группы к себе: 1) он *не принадлежит к группе территориально*, соответственно его черты – незакрепленность и неподчинение территориальным границам; 2) его *появление в группе – неестественно*, поскольку «чужак не принадлежит к группе с самого начала», не разделяет ее уникальную историю и опыт, не является носителем специфических качеств, моделей взаимодействия, чувств солидарности и общности; 3) он *нарушает соотношения физической и психической близости*. Чужой должен быть далеко, но находится близко – это вносит дисбаланс, замешательство в представление группы о том, как относиться к чужому (Simmel G., 1990; Zimmel' G., 1996).

Таким образом, «Чужой» объединяет противоположные, антиномичные для группы характеристики: близость и отдаленность, озабоченность и безразличие, заинтересованность и незаинтересованность и т.д., что в совокупности часто интегрируется в императив «чужой – неопределен, неизвестен, непостижим, поэтому опасен». Если в группе не выработала правила поведения и отношения к

любому «чужому», то скорее группа *отстраниться* от него, либо – будет воспринимать как «врага».

Вслед за Зимелем, образу «чужого» в контексте проблемы социальной коммуникации и интеракции уделяли большое внимание Альфред Шюц (основатель феноменологической социологии), М. Шелером, Р. С. Линд, У. А. Томас, Р. Михельс и М. Вуд с ее работой «Чужак: исследование в области социальных отношений». В других философских традициях этому образу-конструкту посвящены исследования Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, С. Рубинштейна, В. Роменца и др.

Понятие «Другого» становится краеугольным камнем в любой государственной доктрине, поскольку именно оно выявляет и проявляет базовую систему ценностей и систему соблюдения/несоблюдения «правил добрососедства» в межгосударственной коммуникации и на международной арене в целом. Именно поэтому квалификация данного отношения – отношения к Другому – весьма диагностична для любого государства, модели его устройства и управления. Например, для государств, имеющих имперские намерения, «Другой» – часто вообще не имеет права на существование, зато все, что он («Другой») имеет, может стать предметом притязаний и присвоений. В украинской ментальности «Другой» – не чужой, не враг, не недруг, он – «иной, равный мне».

6. Онтология субъектности

украинской культуры и государства

Современная реальность такова, что «если страна не является субъектом, она попадает в ситуацию объекта чьих-либо посягательств». По мнению Б. Парахонського и Г. Яворської, «в этом случае привлекаются концепты объективистской парадигмы, в формате которой страна – это только территория, которую настоящий субъект имеет право присвоить, а народ – это просто население, которое можно превратить в обслуживающий контингент настоящих хозяев, которым все ресурсы страны должны принадлежать. Такова позиция современных российских политиков в отношении других народов, которые, по их мнению, находятся в «законной» сфере влияний Москвы. Эта позиция логически получает и практическое воплощение – захват чужих территорий, наглое зачисление граждан другого государства к числу своих подданных, грабеж ресурсов и собственности. Подобных установок притер-

живается и московская православная церковь, провозглашающая территорию бывшей империи своей канонической территорией» (Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019).

Анализируя субъектность государства, страны, важно учитывать тот факт, что «в современном мире взаимосвязи между государствами переплетены настолько, что отношения доминирования и подчиненности, господства и подчинения, влияния и зависимости пронизывают весь комплекс международной социально-политической реальности, придают ей целостный характер. В международных комплексах системные и постоянные межгосударственные формации соединены с виртуальными и спорадическими образованиями. Границы их пространств и границы гибки и могут изменяться в историческом времени. Любое государство не может существовать как изолированная единица, его субъектность проявляется через систему отношений с другими так же, как и характер отношений к самой себе» (Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019).

В нынешней ситуации войны России (РФ) против Украины, исторический статус Украины как государства и субъекта культуры на данный исторический момент должен быть определен максимально точно, чтобы дальнейшее онтологическое (и феноменологическое) исследование и развитие ее субъектности имело четкие векторы и параметры.

Основные исторические характеристики субъектности украинской культуры и украинского государства таковы:

- Страна, имеющая самую большую площадь среди всех европейских стран, находящихся в рамках Европейского континента ($S = 603\,548 \text{ км}^2$)
- Страна, имеющая свою прото-государственность, исчисляемую от Осевого (Нового) времени истории (по К. Ясперсу) – Древнерусское государство, Киевская Русь.
- Страна, имеющая в своей основе древнюю полноформатную культуру – славянскую культуру, выстроенную по античным (до-христианским канонам), а именно свои: миф, религию, полный пантеон богов, календарь, гороскоп, полный праздничный и земледельческий цикл, священное писание и первичные философские учения об устройстве мира, природе человека, социальном мире и правилах «жить» в нем («Книга Коляды», «Велесова Книга», «Боянов гимн» и др.), азбуку (кириллица).

- Страна многонациональная (более 100 национальностей и народностей), но с абсолютной доминантностью украинцев: количество граждан Украины, которые считают себя украинцами по национальности, составляет 90,6% населения. На это указывают данные большого социологического опроса, проведенного ведущими социологическими центрами страны (КМИС, Рейтинг, СОЦИС, а также Центром имени Разумкова) (Kilkist hromadian Ukrainy, 2017).
- Страна, исповедующая православие – 74,8% (Согласно результатам опроса, проведенного Центром Разумкова с 17 по 21 января 2020 года чаще всего граждане Украины относят себя к верным Православной церкви Украины (34%). 13,8% назвали себя верными Украинской православной церкви (Московского патриархата), 8,2% – Украинской греко-католической церкви, 0,7% – Протестантских и Евангелических церквей, 0,4% – Римско-католической церкви, 0,6% – других религий и конфессий. Значительная часть опрошенных (27,6%) отметили, что считают себя православными, но не относят к какой-либо церкви. 8,8% не относят себя ни к одной из конфессий, а еще 5,6% определили себя как неверующих (Konfesiina ta tserkovna nalezhnist, 2020).
- Страна, сохранившая и укрепившая свою идентичность – культурную и физическую (географическую).
- Страна, которая всегда придерживалась «своей» логики развития, благодаря чему сохранила особый статус в культурном противоборстве Востока и Запада (например, славянское Барокко (Научная революция) по сути соответствовало предыдущей эпохе Возрождения (Ренессанса), что можно было бы интерпретировать как «отставание» в развитии культуры, но именно это защитило ее от интерференций как с западно-европейской, так и с восточной культурами).
- Страна, которая никогда не была завоевателем и варваром, иницирующим войны, разрушающим чужую культуру.
- Страна с одним из наиболее высоких коэффициентов «дружественного отношения» к представителям любой другой страны, национальности, народности, вероисповедания и пр. и максимально высоким индексом «открытости и готовности к сотрудничеству».

- Страна, которая на протяжении всей своей истории стремилась к независимости и «воле», боролась за нее и готова отдать жизнь, поскольку есть то, что «понад усе» (даже выше, чем жизнь). и т.д.

С точки зрения психологии «субъектность» обуславливает (или характеризует) способность носителя данного свойства или качества к само-развитию, само-деятельности и само-осознанию (или – рефлексии). Мера самоопределения и определения другим выражает специфику субъектного существования; возникает вопрос о субъекте изменений определенного рода, поскольку существовать – значит длиться и переходить, изменяться и пребывать. Быть субъектом – значит иметь способность и ресурсы влиять, определять обстоятельства как своего существования, так и сопряженных с тобой других субъектов. Государство, претендующее на статус субъекта, обязано владеть и *обладать инструментами такого влияния*.

Рассматривая вопрос о субъектности государства, страны, народа, важно также обратить внимание на его внутреннюю структуру государства, его «внутренний социум», *коллективную субъектность, его инттерсубъектность*, сущность и основные проявления которой В. Васютинский видит «в понимании места, пространства существования соответствующих субъектностей, носителями которых эти субъекты должны быть... Наиболее очевидным способом существования коллективной субъектности является ее воплощение в объектах материальной общественной культуры, в которых закодированы социально выработанные и социально признаваемые значения. Менее очевидным, но более психологическим является толкование коллективной субъектности как символического обмена между индивидами в процессе взаимодействия и взаимного толкования закодированных в символах знаков. В обоих случаях предпосылкой существования коллективной субъектности становится наличие живых взаимодействующих и интерпретирующих индивидуальных субъектов. Без таких субъектов, во-первых, не может возникнуть пространство взаимодействий и интерпретаций как материально-идеальная основа коллективной субъектности, а во-вторых, закодированные в материальных предметах социальные значения никем не раскодируются и коллективная субъектность не может возникнуть» (Vasiutynskyi, 2005).

Государство, как субъект политического действия, является концентрацией «политического, экономического, военного,

духовного могущества, идентифицирующего себя как активное существо, имеет свои особые интересы, систему ценностей, идеологию, последовательно и целенаправленно осуществляет свою политику в международной среде... (Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019). Субъектность государства не может считаться подлинной при отсутствии *активного суверенитета*, то есть механизмов политической воли, осознанного политического поведения согласно пониманию собственных интересов и приоритетов. На основе трех составляющих – *социально-экономическая структура, ментальные характеристики и ценности* – нация формирует свои представления об устройстве реальности в мире и собственных интересах – как основе своей *субъектности*.

7. Заключение

Анализируя возможные причины войн, аналогичных или сходных с той, которая развязана Россией (РФ) против Украины, нами обозначены универсальные причины, аттитюды и интенции, которые, к сожалению, свидетельствуют о неизбежности этой войны, когда различия в ценностях двух государств – критически обострены, а механизмов и инструментов для данных разрешения данных противоречий – не найдено и не создано.

Многие эксперты приходят к выводу, что нынешняя война – это «война за когнитивный и коммуникативный контроль, за власть над сознанием людей, их эмоциями, мышлением, разумом и, соответственно, над их поведением. Это борьба за доминирование определенных представлений о мире и событиях в социальной и индивидуальной окружающей среде и одновременно – разрушение противоположных, «враждебных» опиний и мыслей (Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019).

Вне сомнения, современные стратегии безопасности неотделимы от проблемы усиления субъектности государства, как и от проблем интерпетаций и понимания реальности, т.е. смыслов, ценностей и отношений в системе общего миропорядка. Принято считать, что имея власть в ментальной сфере, контролируя структуры восприятия реальности и понимание событий, можно овладеть и реальностью, которой человек живет, а обладая реальностью, можно получить власть над ее миром, включая социально-политическое пространство, историческое время и жизненные ресурсы. Но если эти стратегии «агрессий и завоеваний» известны, следователь-

но, должны быть созданы и воплощены стратегии противостояния этому, стратегии упреждения и преодоления этих разрушительных тенденций, наиболее опасной из которых есть *война*?

Работая именно с этими компонентами общественного сознания и дискурса, разрабатывая и внедряя соответствующие технологии их реконструирования и трансформации, возможно предоставить соответствующий «щит» такому типу агрессии – ментальный или инструментальный. И у Украины – элементы, «комплектующие» для такого «щита» есть, следует их извлечь, «расчехлить» и – применить.

Особенно если рядом – государство-агрессор, постоянно и регулярно попирающее ответственность перед историей, создающее «ложные образы» и множественные симулякры не только исторической, но и нынешней действительности, не брезгующее самыми грубыми идеологическими фальсификациями, постулирующее любого «Другого» как «Врага» и регулярно совершающее (в XXI веке!) военные интервенции – убивая, разрушая, уничтожая...

References:

1. Aron R., 2000, *Myr i viina mizh natsiiamy*, Kyiv.
2. Baron-Cohen S., 2015, *Teoria zla: O empatii i genezie okrucienstwa*, Smak słowa, Sopot.
3. Ban'kovskaya S., 2012. Sociologiya marginal'nosti. Sociolog. <http://postnauka.ru/faq/4124> (accessed 01 July, 2022)
4. Berdyaev N., 1990, *Smysl istorii*, Myisl, Moskva.
5. Casus Belli. Provokatsii, z yakykh rozpochynalsia viiny. Slovo i Dilo, 2022, https://www.google.com/search?q=pryvody-do-vijny_ru_origin... (accessed 01 July, 2022)
6. Clausevitz, C.von., 1976, *On War*, 184–185, Princeton University Press, Princeton.
7. Ćwiczenia duszy, rozciąganie mózgu: Rozmawiają J.Vetulani I ks. G.Strzelczyk, 2022, Wydawnictwo Znak, Kraków.
8. Dzieci z Donbasu na rysunkach kolorów nie używają. Olga Szpunar, 2017, Wyborcza.pl. <https://krakow.wyborcza.pl/krakow/7,44425,21766589,dzieci-z-donbasu-na-rysunkach-kolorow-nie-uzywaja.html?disableRedirects=true> (accessed 01 July, 2022)
9. Frank S., 1990, *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii*, Pravda, Moskva.
10. Freyd Z., 1915, *Zlobodnevnoe rassuzhdenie o voyne i smerti*, Moskva.
11. Freyd Z., 1995, *Neudobstva kulturyi // Hudozhnik i fantazirovanie*, Respublika, Moskva.
12. Gadamer G., 2000, *Istina i metod*, Tom I: *Germenevtika*. YunIvers, Kyiv.
13. Gegel G., 1977, *Filosofiya duha, Entsiklopediya filosofskih nauk*. T. 2. Moskow.

14. Gusserl E., 1999, *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii*, T.1., *Obschee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu*, Dom intellektualnoy knigi, Moskva.
15. Gusserl E., 1998, *Kartezianskie razmyishleniya*, Nauka, Yuventa, SPb.
16. Gusserl E., 1994, *Filosofiya kak strogaya nauka*. Agentstvo «Saguna», Novocherkassk.
17. *Glowne problem wspoczesnej Fenomenologii*, 2017, Wyd-wa UW, Warszawa.
18. Haydegger M., 1997, *Bytie i vremya*, Moskva.
19. Haydegger M., 1993, *Vremya i bytie: Stati i yistupleniya*, Moskva.
20. Haydegger M., 1998, *Prolegomenyi k istorii ponyatiya vremeni*, Tomsk.
21. Janion M., 2022, *Niesamowita Slowianszczyzna: fantazmaty literatury*, WL, Krakow
22. Jaspers K., 2010, *Man in the Modern Age*, Routledge, New York.
23. Jaspers K., 1991, *Smysl i naznachenie istorii*, Politizdat, Moskva.
24. *Individualniy i gruppovoy sub'ekty v izmenyayushchysya obschestve: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.L.Rubinshteyna*, 1999, IP RAN, Moskva.
25. Kamyu A., 1990, *Buntuyuschiy chelovek: Filosofiya. Politika. Iskustvo*, Politizdat, Moskva.
26. Kara-Murza S., 2003, *Kratkiy kurs manipulyatsii soznaniem*, Moskva.
27. Kilist hromadian Ukrainy, yaki vvazhaiut sebe ukrainsiamy za natsionalnistiu (dani velykoho sotsopytuvannia, provedenoho providnymy sotsiolohichnymy tsentramy krainy (KMIS, Reitynh, SOTsIS, a takozh Tsentrom imeni Razumkova), <https://www.pravda.com.ua/news/2017/06/17/7147226/> (accessed 01 July, 2022)
28. *Konfesiina ta tserkovna nalezhnist hromadian Ukrainy (sichen 2020r. sotsiolohiia) / Tsentrazumkova*, <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/konfesiina-ta-tserkovna-nalezhnist-gromadian-ukrainy-sichen-2020r> (accessed 01 July, 2022)
29. Kollingvud R., 1980, *Ideya istorii*, Moskva.
30. Lakan Zh., 1997, *Instantsiya bukvyi v bessoznatelnom, ili Sudba razuma posle Freyda*, Moskva.
31. Lihanova A.B., 2008, *Otnoshenie k proshlomu kak sotsiologicheskaya problema*, *Sotsiologiya vlasti*, 2, 93-102.
32. Levi-Stros K., 2000, *Put masok*, Respublika, Moskva.
33. Lukach D., 1991, *K ontologii obschestvennogo byitiya. Prolegomenyi*, Progress, Moskva.
34. Mamardashvili M., 1993, *Kartezianskie razmyishleniya*, Izdat. gruppa Progress-Kultura, Moskva.
35. Mamardashvili M., 1997, *Strela poznaniya (Nabrosok estestvennoistoricheskoy gnoseologii)*, Moskva.
36. Manoha I., 1995, *Chelovek i potentsial ego byitiya: Opyit sintezirovaniya ontologicheskikh I psihologicheskikh poznavatelnykh tehnik*, Stymul-K, Kyiv.
37. Manokha I., 2001, *Psikhologhiia potaiemnoho «Ja» Polihrafknyha*, Kyiv.

38. Manokha I., 2001, Kryza suchasnoho naukovoho znannia ta yii «znariaddia», Zb-k naukovykh prats Inst-tu psykholohii im. H.S. Kostiuka APN Ukrainy. T. III. Ch. 6. S. 4-14, NEVTES, Kyiv.
39. Mankheim K., 1994, Dyahnoz nasheho vremeny, Yuryst, Moskva.
40. Mere Zh., 1988, Pryntsyp suverenitetu. Istoriia ta osnovy novitnoi vlady, Kalvariia, Lviv.
41. Mid M., 1988, Kultura i mir detstva, Moskva.
42. Ortega-i-Gasset H., 1997, Idei i verovaniya, Izbr. Trudy, Moskva.
43. Ortega-i-Gasset H., 1997, Istoriya kak sistema, Izbr. Trudyi. Moskva.
44. Ortega-i-Gasset H., 1977, Chelovek i lyudi, Izbr. Trudyi, Moskva.
45. Orudzhev Z., 2004, Sposob myishleniya epohi, Moskva.
46. Parakhonskyi B., Yavorska H., 2019, Ontolohiia viiny i myru: bezpeka, stratehiia, smysl. NISD, Kyiv.
47. Problemy ontolohyy v sovremennoi burzhuaaznoi fylosofyy, 1988, Ryha
48. Ryker P., 1995, Konflykt ynterpretatsyi. Ocherky o hermenevtyke. Moskva.
49. Rykkert H., 1998, Nauky o pryrode y nauky o kulture, Respublyka, Moskva.
50. Romenets V., Manokha I., 1998, 2003. Istoriia psykholohii XX stolittia. Kyiv.
51. Rubsinshtein S., 2009, Cheloviek i mir, MU, Moskva.
52. Samosoznanie evropeyskoy kulturyi XX veka, 1991, Izd-vo politicheskoy literatury, Moskva.
53. *Sartre and Camus: A Historic Confrontation*, Humanity Book // Ed. David A. Sprintzen, Adrian van den Hoven, 2004, NY.
54. Sokolov Yu., 1999, Kuda vedet «epidemiya istoricheskoy nevmenyaemosti»? Politicheskaya kultura, Moskva.
55. Sorokin P., 1992. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo. Politizdat, Moskva.
56. Sorokin P., 1993, Prichinyi voynyi i usloviya mira, Sotsis, 12, 140-148.
57. Sorokin P. 1937-1941, *Social and Cultural Dynamics*, Vol. III. Ch. 9-14, N.Y.
58. Strozewski W., 2004, *Ontologia*, Aureus-Znak, Krakow.
59. Shapran V., 2022. Ekonomicheskie prichinyi voynyi, <https://ru.interfax.com.ua/news/blog/838305.html> (accessed 01 July, 2022)
60. Ulyanovskiy A., 2005, Mifodizayn: kommercheskie i sotsialnyie mifyi, Piter, SpB.
61. Vasiutynskiy V., 2005, Interaktsiina psykholohiia vlady. Kyiv.
62. Veber A., 1998, Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kulturyi, Universitetskaya kniga, SPb.
63. Veber M., 1994, Izbrannoe. Obraz obschestva, Yurist, Moskva.
64. Voyna: prichinyi voyn, <https://ru.wikipedia.org/wiki...> (accessed 01 July, 2022)
65. Winarska P., 2022, *Kultura. Dyskurs. Wspolnota*, WNAI, Krakow.
66. Wright Q., 1942, *A Study of War*. Vol. I, II, Chicago.
67. Zimmel' G., 1996, Social'naya differenciatsiya, Izbrannoe. Yurist, Moskva.
68. Simmel G., 1994, *Critical assessments* / Ed. by D. Frisby. Tay-lor & Francis, London.
69. Simmel G., 1990, *The philosophy of money* // Ed. by D. Frisby. Routledge, London; New York.

70. Zinoviev A., 1995, Russkiy eksperiment. Moskva.
71. Znakov V.V, 1993, Pravda i lozh v soznanii russkogo naroda i sovremennoy psihologii ponimaniya, IPAN, Moskva.

The Author

Iryna Manokha
Doctor of Science (Psychology), Professor,
Director of the East European Institute of Psychology
(Ukraine – France),
Kyiv, Ukraine
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0360-8823>
E-mail: manokha@ukr.net

Abstract

ІРИНА МАНОХА. Війна як феномен та реальність: 24.02.2022. Військова агресія Росії (РФ) проти України, що розпочалася у 2014 році і отримала 24 лютого 2022 року статус повномасштабної війни – стала вододілом в історії сучасної Європи та світу, зламавши світопорядок, що існував майже 70 років після Другої світової війни. Аналіз причин того, що сталося, має здійснюватися сьогодні не з теоретичною, а з інструментальною метою: його результати повинні давати чітке розуміння та конкретні інструменти впливу – «тут і зараз» – на те, що відбувається, оскільки війна актуальна, вона розгортається в реальному часі та просторі, забираючи реальні життя та руйнуючи реальні міста реальної країни – Україна.

У статті зроблено онтологічний аналіз принципу нерівності – як глибинного механізму взаємоіснування та взаємодії держав, чий ціннісний, дискурсивний, екзистенційний та інші відмінності неминуче призводять до воєн, якщо цілеспрямовано та методично не вводити системні «інструменти стримування» та правила взаємного дотримання спільних цінностей у процес їх існування та життєздійснення. Проаналізовано відносини до Минулого (Історії), Істини та Іншого – як онтологічні підстави суб'єктності держави, дисфункції всередині яких призводять до трагічних криз, у тому числі – до війни. Представлені антиномічні (протилежні одна одній) риси-ознаки соціумів-культур, які вірно призводять до

антагонізму і неможливості мирного співіснування, оскільки виявляють сутнісне, онтологічне протиріччя – нерівність цінностей. Охарактеризовано феномен «суб'єктності держави» – як ключового інструменту суверенітету.

Ключові слова: війна Росії проти України; причини воєн, принцип нерівності цінностей як причина воєн; історичний статус держави; суб'єктність; суб'єктність держави як інструмент суверенітету

ИРИНА МАНОХА. **Война как феномен и реальность: 24.02.2022.** Военная агрессия России (РФ) против Украины, начавшаяся в 2014 году и получившая 24 февраля 2022 года статус полномасштабной войны – стала водоразделом в истории современной Европы и мира, сломав существовавший почти 70 лет после Второй мировой войны миропорядок. Анализ причин произошедшего должен осуществляться сегодня не с теоретической, а с инструментальной целью: его результаты должны давать четкое понимание и конкретные инструменты влияния – «здесь и сейчас» – на происходящее, поскольку война актуальна, она разворачивается в реальном времени и пространстве, унося реальные жизни и разрушая реальные города реальной страны – Украина.

В статье предпринят онтологический анализ принципа неравенства – как глубинного механизма взаимосуществования и взаимодействия государств, чьи ценностные, дискурсивные, экзистенциальные и др. отличия неизбежно приводят к войнам, если целенаправленно и методично не вводит системные «инструменты сдерживания» и правила взаимного соблюдения общих ценностей в процесс их существования и жизнеосуществления. Проанализированы отношения к Прошлому (Истории), Истине и Другому – как онтологические основания субъектности государства, дисфункции внутри которых приводят к трагическим кризисам, в том числе – к войне. Представлены антиномичные (противоположные и неизменно сопутствующие друг другу) черты-признаки социумов-культур, которые приводят к антагонизму и невозможности мирного сосуществования, поскольку выявляют сущностное, онтологическое противоречие – не-равенство ценностей. Охарактеризован феномен «субъектности государства» – как ключового инструмента суверенитета.

Ключевые слова: война России против Украины; причины войн, принцип неравенства ценностей как причина войн; исторический

статус государства; субъектность; субъектность государства как инструмент суверенитета.

IRINA MANOCHA. **Wojna jako Zjawisko i Rzeczywistość: 24.02.2022.** *Agresja militarna Rosji (Federacji Rosyjskiej) na Ukrainę, która rozpoczęła się w 2014 roku i uzyskała status pełnoskalowej wojny 24 lutego 2022 roku, stała się przełomowym wydarzeniem w historii współczesnej Europy i świata, łamiąc istniejący przez prawie 70 lat po II wojnie światowej porządek globalny. Analiza przyczyn tego, co się stało, powinna być dziś prowadzona nie w celu teoretycznym, lecz instrumentalnym: jej wyniki powinny dostarczyć jasnego rozumienia i konkretnych narzędzi wpływu – “tu i teraz” – na to, co się dzieje, bo wojna jest aktualna, rozwija się w realnym czasie i przestrzeni, odbierając realne życia i niszcząc realne miasta realnego państwa – Ukrainy.*

Artykuł podejmuje ontologiczną analizę zasady nierówności jako głębokiego mechanizmu wzajemnego istnienia i interakcji państw, których różnice wartościowe, dyskursywne, egzystencjalne itp. niewątpliwie prowadzą do wojen, jeśli celowo i metodycznie nie wprowadzi się do procesu ich istnienia i życia systematycznych “instrumentów powstrzymywania” i zasad wzajemnego poszanowania wspólnych wartości. Relacje wobec Przeszłości (Historii), Prawdy i Innego analizowane są jako ontologiczne podstawy podmiotowości państwa, których dysfunkcje w obrębie prowadzą do tragicznych kryzysów, z wojną łącznie. Przedstawione zostają antynomiczne (przeciwstawne i niezmiennie współistniejące) cechy społeczeństw-kultur, które mogą prowadzić do antagonizmu i niemożności pokojowego współistnienia, gdyż ujawniają istotną, ontologiczną sprzeczność – nierównorzędną wartość.

Słowa kluczowe: wojna Rosji z Ukrainą; przyczyny wojen, zasada nierówności wartości jako przyczyna wojen; status historyczny państwa; subiektywność; podmiotowość państwa jako instrument suwerenności.